

Леонтий Васильевич Копецкий: жизнь в науке

(22 августа 1894 года – 4 апреля 1976 года)

Все богемисты пользуются 2-томными словарями чешского языка – чешско-русским и русско-чешским. Некоторые пользуются однотомными. Нто все ли знают имя их составителя? Все ли понимают особенности этих словарей?

Мой рассказ – как раз об их составителе, о Леонтии Васильевиче Копецком, о его жизни, о его вкладе в филологию.

Своими корнями род Копецких уходит в Белоруссию. В середине XIX века в селе Ветрино Полоцкого уезда служил настоятелем храма священник Яков Фавстович Копецкий. Сын его, Василий Копецкий, решил пойти по стопам отца — стать священнослужителем. В 1879 году он успешно окончил Витебскую духовную семинарию. По церковным правилам, прежде рукоположения в священнический сан необходимо было жениться. Избранницей Василия Копецкого стала Мария Яковлевна Пигулевская, происходившая из старинного дворянского рода. Среди ее родных братьев были крупные чиновники, деятели культуры и искусства и даже генерал. А молодой муж — избрал скромную должность полкового священника армейского кавалерийского полка.

Полк этот, 38-й драгунский Владимирский, стоял тогда в Царстве Польском, в уездном городе Новоминске Варшавской губернии. Здесь, в 1892 году, у Копецких родился первенец, которого назвали Платоном. А через два года — еще один сын, Леонтий. Дети были еще маленькими, когда в 1900 году Василия Яковлевича Копецкого перевели на службу в Харьковскую губернию.

30-й драгунский Ингерманландский полк, куда был назначен полковым священником о. Василий, стоял в заштатном городке Чугуеве под Харьковом. Городок был маленький, но гарнизон в нем стоял большой, и работы у полкового батюшки хватало. Кроме своих драгун, отец Василий духовно окормлял и юнкеров Чугуевского пехотного училища, где не было собственной церкви и священника, а также преподавал в этом училище Закон Божий. Истово верующий, неустанный проповедник, он заслужил любовь паствы и авторитет у начальства.

Вскоре отец Василий, окончивший к этому времени духовную академию, был назначен дивизионным благочинным — главным священником всей 10-й кавалерийской дивизии, штаб которой находился в Харькове. Несмотря на широкий круг обязанностей, Василий Яковлевич находил время для научной деятельности, занимался историческими исследованиями, писал богословские книги. Так, в 1904 году, в преддверии 200-летнего юбилея 30-го драгунского Ингерманландского полка, он подготовил справку по истории полковой церкви для издания двухтомной истории полка, за что удостоился благодарности в предисловии этой книги. В 1907 году, когда Ингерманландскому полку были возвращены его бывшие гусарская форма и название, в полковом офицерском собрании появилась «Гусарская комната» — музей полка, в создании которого также принял участие и о. Василий. А накануне первой мировой войны он издал учебную брошюру «Послание апостола Павла к евреям» для общего класса военных училищ.

Дети Василия Яковлевича и Марии Яковлевны — Платон, Леонтий и младшая дочь Лидия — учились в гимназиях Харькова. Летние каникулы проводили в родительском доме в Чугуеве, где и сложилась дружная компания харьковских гимназистов. Гуляли, купались в Донце, загорали и, конечно же, катались на

лошадях, которых дети священника кавалерийского полка знали и любили с самого раннего детства. Верховой езде юных Платошу и Леню обучали офицеры полка, часто бывавшие в гостях у о. Василия. Рассказывали они и о воинской службе, боях и походах. Дети с упоением слушали, и летние посиделки у самовара на веранде уютного дома Копецких затягивались иногда до самого позднего вечера, пока Василий Яковлевич не отправлял сыновей спать. Он был очень педантичен, требователен к себе и домочадцам, а образ жизни, несмотря на свое гостеприимство, вел аскетический.

После гимназии Платон и Леонтий окончили Харьковскую семинарию, однако священниками становиться не торопились, а продолжили образование. Платон поступил на историко-филологический факультет Варшавского Императорского университета, Леонтий — на такой же факультет университета Санкт-Петербургского. Через некоторое время Леонтий перевелся в Харьковский университет. Талантливого студента предполагали после окончания курса оставить при университете. Но не успели. Началась первая мировая война.

10-й гусарский Ингерманландский полк покинул Чугуев в день объявления мобилизации. Вместе с полком на фронт убыл и о. Василий Копецкий. Во время войны Ингерманландские гусары сумели неоднократно отличиться и прославиться в боях. Однако священник кавалерийского полка, в отличие от пехотного, был лишен возможности находиться рядом с эскадронами, участвовать в стремительных рейдах, лихих налетах и атаках конницы. Он находился при походной церкви в полковом обозе. Но при первой же возможности спешил к своим гусарам. В воспоминаниях одного из офицеров 10-го гусарского Ингерманландского полка сохранилось описание фронтовых будней отца Василия. «Обычно на дневках приезжал к нам полковой священник отец Василий. Он тяготился бездельной жизнью в обозе, где ему совершенно нечего было делать. Убитых в большинстве случаев хоронили сейчас же за боевой линией, без отпевания, а тяжелораненых отправляли в госпитали, и если они не выздоравливали, то там и умирали, и священнику в кавалерии было меньше всего работы. Поэтому о. Василий был очень рад дневке, особенно в праздник, когда он мог отслужить обедню или вечерню. Для нас он являлся хорошим собеседником, рассказывая тыловые новости, а особенно был полезен, когда приходилось вставать очень рано утром. В эти дни не нужно было ставить будильник или приказывать дневальному будить — батюшка всегда вставал за два часа раньше, чем нужно, варил себе и нам чаек, готовил завтрак и за час был уже готов к походу: надевал он всегда свое длинное пальто с большим меховым воротником, подпоясывался белым полотенцем и навешивал на него, вокруг себя, маленькие мешочки — один с сухарями, другой с чаем, третий с сахаром, а затем с крупой, луком, солью, картошкой, а на животе привязывал жестяной чайник и эмалированную кружку. В таком виде батюшка начинал нас будить...»

Платон Копецкий окончил университет летом 1914 года и сразу же пошел добровольцем в армию. Поступил в Елисаветградское кавалерийское училище, прошел курс подготовки офицеров военного времени и весной 1915 г. был направлен в действующую армию — в 10-й гусарский Ингерманландский полк, к отцу. Священнику пришлось немало пережить после того, как в одном из боев его сын-офицер был ранен.

Платон Васильевич Копецкий (справа) вместе со своим отцом-священником.

По горячим молитвам отца Платон благополучно оправился от ранения. И тут же вернулся в строй. Воевал в это время и его брат Леонтий, правда, в другом полку, на Северном фронте.

После октябрьского переворота некогда победоносная русская армия окончательно развалилась. Весной 1918 года часть офицеров полка возвратилась к месту мирной стоянки полка — в город Чугуев. Прибыли сюда

и Копецкие — отец и сын. Платон поселился в Харькове, а отец Василий находился при полковой церкви.

Установившаяся на Украине гетманская власть пыталась возродить 10-й гусарский Ингерманландский полк. Правда, под новым, украинским — взамен «чужеземного» — именем 12-го конного Полтавского полка. Не все офицеры полка пожелали служить новой власти. Многие из них в одиночку и группами пробирались на Дон, где истекала кровью в боях с большевиками Добровольческая Армия. Летом 1918 года так поступили пятеро гусарских офицеров, решивших выкрасть из полковой церкви старый штандарт, чтобы возродить под ним свой горячо любимый Ингерманландский полк. Штандарт этот, бесценная реликвия, был пожалован ингерманландцам еще Петром Великим и почти двести лет находился с полком в боях и походах. В рискованном деле изъятия штандарта офицерам взялся помочь священник Василий Копецкий. Тайно, ночью он отпер своим ключом дверь полковой церкви. Снятый с древка штандарт спрятал под шинель один из офицеров. С чужими документами гусары сели в поезд и в сентябре 1918 года прибыли в Новочеркасск. Вскоре и остальные офицеры, служившие ранее у гетмана, прибыли в белую армию. И полк был возрожден. Во время гражданской войны в нем воевали почти все офицеры, служившие в нем к моменту революции. Больше половины из них погибли в боях...

Когда в начале 1919 года власть в Харькове захватили большевики, начавшие беспощадный террор против офицеров, задержавшийся в городе Платон Копецкий также решил пробираться к белым. Перед отъездом он попрощался с отцом. Оба еще не знали, что видятся в последний раз...

В разгар гражданской войны пробираться к белым офицеру было куда труднее. Приходилось, с огромным риском для жизни переходить линию фронта. И снова, как когда-то на фронте, Платону помогли отцовские молитвы. Благополучно преодолев все опасности пути, поручик Копецкий прибыл в белую армию. К этому времени его брат Леонтий уже служил в знаменитом Корниловском полку. В этот полк был зачислен и Платон.

Корниловские ударники, краса и гордость Добровольческой армии! 1-й Корниловский ударный полк был старейшим полком белой армии и носил имя ее первого вождя — генерала Лавра Георгиевича Корнилова, погибшего весной 1918 года на Кубани. Служить в «гвардии» белых войск — в «цветных», или как их еще называли, «именных» полках — Дроздовских, Марковских, Алексеевских — почиталось за честь, в Корниловских же частях — за особую честь. Многие добровольцы мечтали надеть корниловскую форму — черные гимнастерки с «адамовой головой» на шевроне и красно-черных погонах, фуражки с красной тульей и черным околышем.

Обер-офицеры артиллерии и пехоты и рядовой пехоты Корниловской Ударной дивизии, 1919 - 1920 гг.

Такая форма демаскировала в бою, особенно фуражки, представлявшие собой отличную мишень. Но корниловцы не гнулись под пулями. Их легендарные «психические» атаки — молча, шагом, во весь рост, без выстрелов, со штыками наперевес — очевидцы вспоминали с восхищением и ужасом...

В последних крымских боях против большевиков и махновцев в «психические» атаки белые уже не ходили. Но дрались отчаянно. Защищая Перекоп и прикрывая отход белой армии, Корниловская дивизия понесла огромнейшие потери. После эвакуации, в лагере на турецком полуострове Галлиполи (*древнее название Херсонес Фракийский*), остатки трех полков дивизии были сведены в один Корниловский ударный полк. Адъютантом этого полка был Леонтий Копецкий. А его брат Платон — адъютантом командира

полка, генерал-майора Скоблина — бывшего начальника Корниловской дивизии. (NB: «Дом в изгнании»: **Стеблов!**)

О генерале Николае Скоблине стоит отдельно сказать несколько слов.

Над загадкой этого человека размышляют уже несколько поколений историков. Выпускник Чугуевского военного училища, офицер выдающейся отваги и храбрости, он заслужил орден Св. Георгия и Георгиевское оружие уже в первый год мировой войны. В Корниловском полку он служил с первых дней его образования. В эмиграции был правой рукой генерала Кутепова, стоявшего во главе Русского общевойсковое союза (РОВС) — мощной боевой белогвардейской организации. И вот этот самый Скоблин, «махровый» белогвардеец, оказался агентом большевиков! Те завербовали его посредством жены — известной певицы Надежды Плевицкой. Сначала Скоблин «сдал» большевикам генерала Кутепова, затем его преемника на посту председателя РОВСа — генерала Миллера. Оба генерала были похищены и убиты. Скоблина разоблачили, но он сумел скрыться...

Разумеется, тогда в Галлиполи никто не мог и во сне представить ничего подобного. А Платон Васильевич Копецкий не знал о том, что много лет спустя советские

Корниловцы в Галлиполи: 5-й слева во втором ряду — Платон Копецкий, 6-й слева — Николай Скоблин, 8-й слева — Леонтий Копецкий

карательные органы припомнят ему знакомство со Скоблиным...

Больше года длилось для русских войск голодное и холодное «Галлиполийское сидение» — жизнь в палаточном лагере на пустынном турецком полуострове Галлиполи, переименованного

русскими в «Голое поле». Вскоре беспочвенность надежд на возвращение армии в Россию для продолжения вооруженной борьбы с большевиками стала очевидной, как и невозможность сохранять эту армию в неизменном виде. Было решено перебазировать войска в Болгарию и Югославию, где армия, по мысли генерала Врангеля, должна была существовать в «полускрытом» виде. Формально полки сохранялись, а служившие в них солдаты и офицеры переходили на собственное содержание. В ноябре 1921 года в составе Корниловского ударного полка в Болгарию прибыли братья-офицеры Копецкие — Леонтий и Платон со своей супругой Ольгой Александровной, коренной харьковчанкой.

Леонтий Васильевич в Болгарии долго не задержался. Бывший студент Харьковского университета решил продолжить свое образование. Сперва он уехал

доучиваться в Берлин, а затем — в Чехословакию, где для русских были созданы условия для получения и завершения высшего образования.

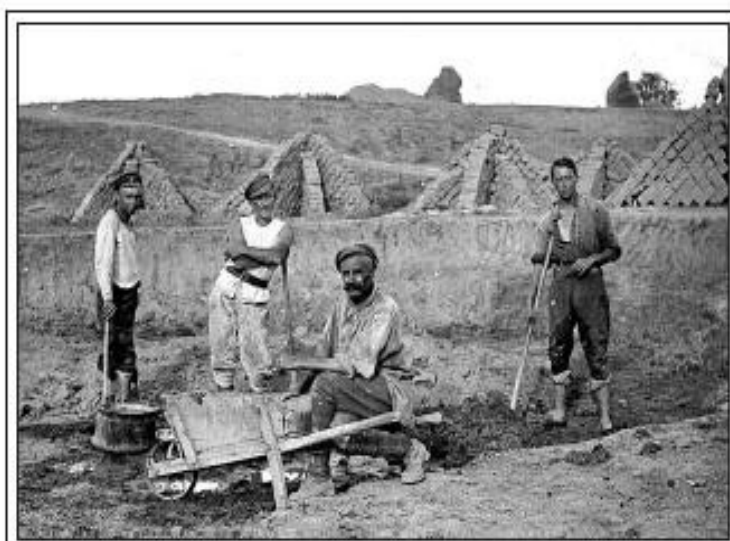

Леонтий Копецкий — студент Карлова университета в Праге

Окончив филологический факультет Карлова университета в Праге, был оставлен при университете, защитил диссертацию и стал работать в должности приват-доцента экономического вуза. Ученая карьера Леонтия Копецкого только начиналась...

Платон Васильевич и Ольга Александровна Копецкие решили обосноваться в Болгарии. В апреле 1923 года у них родился сын, которого в честь дяди назвали Леонтием. Ротмистр Копецкий устроился преподавателем русской эмигрантской гимназии в городе Тырново-Сеймен. В летние месяцы, когда ученики распускались на каникулы, жалования преподавателям не выдавали. Чтобы прокормить жену и ребенка, Платон Васильевич вынужден был, как и многие русские эмигранты в то время,

перебиваться любой работой, иногда — самой черной и грязной, например рыть артезианские колодцы или делать вручную кирпичи. Раньше эту работу делали цыгане, с приходом же русских болгары предпочитали нанимать на нее «братушек-руснаков», отцы и деды которых всего лишь каких-то полсотни лет назад освобождали болгар от османского ига...

Болгария, 1920-е годы. Преподаватели русской гимназии на заработках. Стоит в центре Платон Копецкий

Еще с Галлиполи Платон Васильевич запомнил слова одного из белых вождей: «Никакой труд не может быть унижителен, если работает русский офицер».

Но если труд в кирпичных ямах и не унижал достоинство офицера, то его здоровье, подорванное ранениями, такой труд стремительно разрушал. Чтобы заработать на хлеб, приходилось сутками надрываться в холоде и сырости, копая землю или меся голыми ногами глиняный раствор для кирпичей.

Неудивительно, что после

такой работы Платон Копецкий заболел тяжелой формой лихорадки. Болгарский климат не позволял надеяться на скорое выздоровление. Вердикт врачей был категоричен: или переезд в другую страну, или скорая смерть.

Обратившись в Нансеновский комитет — международную организацию, занимавшуюся помощью беженцам, Копецкие получили направление в Бразилию. Но решили не ехать за океан, а перебраться в Чехословакию, где уже относительно благополучно устроился брат Платона — Леонтий. В 1924 году, с годовалым ребенком на руках, Платон Васильевич и Ольга Александровна выехали якобы в Геную — для посадки на отправлявшийся в Бразилию пароход. По дороге

высадились в Вене, оттуда направились к чехословацкой границе и благополучно, хотя и нелегально, перешли ее.

После того как удалось получить вид на жительство, Платон Васильевич занялся уже привычным для него учительским трудом, работая преподавателем русской реальной гимназии в расположенном недалеко от Праги городе Моравска Тршебова, где существовала русская эмигрантская колония. В 1927 году у четы Копецких родилась Ирина. А в 1935 году вместе с гимназией они переехали в Прагу, где жил и работал Леонтий Копецкий.

Оказавшись в Чехословакии, Леонтий Васильевич первым узнал удивительный факт: оказывается, фамилия Копецких — одна из самых распространенных в этой стране. И русских Копецких чехи приняли за своих, поначалу даже отказываясь верить тому, что они русские.

Как известно, во время войны русская эмиграция в своем отношении к нападению Гитлера на СССР раскололась на «пораженцев», видевших в нем шанс России на освобождение от большевиков, и «оборонцев», горячо поддерживавших советских людей в их борьбе с фашистскими захватчиками. Братья Копецкие принадлежали к числу «оборонцев». И с радостью встретили приход в Прагу советских войск. Большинство эмигрантов, в том числе — бывших белогвардейцев, видели в советских солдатах прежде всего русских парней, пришедших из далекой и милой сердцу России, носящих на плечах точно такие же погоны, какие и они носили когда-то... Но для многих эмигрантов радость была преждевременной. Кроме советских войск, пришли в Прагу и советские чекисты. И начали «чистку» среди русской эмиграции.

Леонтия Васильевича Копецкого, тогда уже известного ученого и государственного деятеля, советника Министерства иностранных дел Чехословакии, «органы» тронуть не решились, по-видимому не желая конфликта с чехословацким правительством. А вот Платону Васильевичу припомнили его «корниловское» адъютантство. В мае 1945 года его арестовали и отправили по этапу в советский концлагерь. Почти два года провел Платон Копецкий в ГУЛАГе, сперва в

Соликамском лагере, затем — в Магадане. Все это время за брата усиленно хлопотал Леонтий Васильевич.

Во время пребывания в Праге знаменитого советского артиста Николая Черкасова (играл роль ученого-географа Паганеля в довоенном кинофильме «Дети капитана Гранта», князя Александра Невского в одноименной картине и другие) профессору Копецкому удалось заручиться его поддержкой. Артист обещал посодействовать, используя неофициальные каналы и, видимо, сдержал слово.

В 1947 году Платон Васильевич был освобожден, правда, без права выезда в Чехословакию.

В советской стране, без гражданства, дававшего хоть советские, но все же права, он оказался чужим и никому не нужным. Где-то на просторах этой страны жили его сестра и родственники со стороны матери. Но где именно и живы ли они — этого Платон не знал. А розыск родственником — бывшим белогвардейцем и вчерашним заключенным — мог очень навредить им.

Что же случилось с отцом братьев Копецких — полковым священником Василием Копецким? После революции батюшка остался в России, в ставшем ему родным

Чугуеве. Почему в конце 1919 году он не ушел с отступавшими белыми войсками — теперь уже никто не знает. Видимо, были на то причины. В Советской России отцу Василию жилось очень тяжело. Как и все священники, по советским законам он считался лишенцем, то есть лишенным всех гражданских прав. Он не мог голосовать на выборах, не мог устроиться на работу. А главное — не имел права на продуктовые карточки. И как ему удалось пережить голод, свирепствовавший на Харьковщине в 1932-33 годах — одному Богу известно...

Протоиерей Василий Копецкий с дочерью Лидией, 1930-е годы

В 30-х годах о. Василий еще переписывался со своими детьми — дочерью Лидией, проживавшей в Москве, и сыновьями Платоном и Леонтием, жившими в Праге. Лидия Васильевна как могла помогала отцу, но возможностей встретиться с ним почти не имела, так как ее муж-латыш был видным большевиком.

А для пражских Копецких каждое письмо от дедушки Василия было настоящим праздником. Последнее из этих писем пришло в 1934 году. А 1 февраля 1935 года,

как сообщила в Прагу Лидия Васильевна, отец Василий скончался. К сожалению, его письма к сыновьям оказались утерянными вместе с архивом Леонтия Васильевича Копецкого, который хранился у Лидии Леонтьевны. После ее смерти в 2000 году греческая организация, занявшая унаследованную от нее квартиру, по всей видимости, просто выбросила или уничтожила этот архив за ненадобность. А родственникам в ответ на их запрос сообщила, что никаких бумаг и фотографий в квартире покойной обнаружено не было...

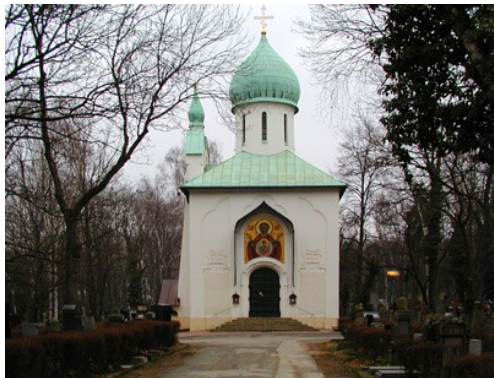
Когда скончалась матушка Мария, жена отца Василия — неизвестно. Как неизвестно и то, где именно похоронены Копецкие и сохранились ли их могилы до сегодняшнего дня. Думается, едва ли, учитывая варварское отношение к старым могилам на наших кладбищах в советские времена.

... Осенью 1957 года в Чугуеве побывал Леонтий Платонович Копецкий, сын Платона Васильевича. Это была его первая поездка в Россию. Будучи в Харькове, в гостях у тети по материнской линии, он попросил своего двоюродного брата отвезти его на машине в Чугуев. В городе ему показали дом дедушки, в котором располагалась городская библиотека. Она была закрыта и в доме внуку побывать не удалось. Сад, посаженный заботливыми руками батюшки Василия, был стар, неухожен и давно не плодоносил. Выяснить судьбу дедушки, хоть какие-то подробности последних лет его жизни так и не удалось. Как вспоминает Леонтий Платонович, узнав о том, что он внук священника Копецкого, чугуевцы общались с ним неохотно и были неразговорчивы. Скорее всего боялись. Или чувствовали свою вину?...

Платон Васильевич, после освобождения, не теряя надежды вернуться в Прагу, к родным, отправился в Закарпатье, поближе к чехословацкой границе.

Эта земля стала советской совсем недавно и там еще продолжали жить русские эмигранты первой волны и их дети. К счастью для Копецкого, среди них оказались знакомые — бывшие его ученики, работавшие врачами. Они-то и помогли поправиться Платону Васильевичу, заболевшему в дороге туберкулезом. До весны 1948 года он работал учителем в средней школе села Билки Закарпатской области. К

тому времени Леонтий Васильевич с помощью Чехословацкого МИДа сумел, наконец, добиться от советской стороны разрешения на выезд в Прагу для своего брата. Вернувшись, Платон Васильевич продолжал работать учителем. Правда, уже не в русской гимназии, которую закрыли как белогвардейскую, а в чешской. Преподавал он и на педагогическом факультете одного из пражских вузов. На пенсию он вышел около 1960 года.

Скончался Платон Копецкий в глубокой старости, в возрасте 90 лет — в 1982 году, на 6 лет пережив своего младшего брата Леонтия, умершего в 1976 году от рака. Похоронены братья в Праге, на Ольшанском кладбище. Там же похоронен харьковчанин Николай Будаков¹ — офицер 10-го гусарского Ингерманландского полка и близкий друг Копецких.

Способность к языкам, похоже, была врожденной у всех членов семьи Копецких. Дочь Платона Васильевича, Ирина Платоновна, работала переводчицей. Лидия Леонтьевна Копецкая, научный работник Чешской академии наук, слыла настоящей грекофилой, часто ездила в Грецию, прекрасно владела греческим языком и составила греко-чешский словарь. Даже свою квартиру перед смертью она завещала одной греческой организации.

Теперь о жизни Л.В. в науке. Как мы помним, он получил диплом Карлова университета и остался в нем работать.

Прага середины 1920-х годов была центром евразийства. Л. Копецкий тоже отдал дань этому теоретическому увлечению и даже написал в 1925 г. евразийскую по своему духу работу, посвященную философии К. Леонтьева. В это же время Копецкий сблизился с Пражским лингвистическим кружком, заметную роль в котором играл другой эмигрант из России, Роман Якобсон. Сегодня в архивах можно найти его переписку с деятелями чехословацкой русской эмиграции ее «серебряного века». Смотри, например:

¹ БУДАКОВ Николай Николаевич, р. 1887. Елисаветградское кавалерийское училище 1908, Севастопольская авиационная школа 1914. Полковник 10-го гусарского полка, помощник командира 8-го авиадивизиона. Во ВСЮР и Русской Армии в танковых частях до эвакуации Крыма. Галлиполиец. В эмиграции в Чехословакии, переводчик. Умер 1969 в Праге.

П р а г а, 29 мая 1959г.

Глубокоуважаемый Антоний Васильевич,

просьбу Вашу я не мог до сих пор исполнить потому, что не встретился казакком-врачом, который интересующие Вас сведения мне сообщил, а то, что он мне сообщил, было слишком общо и для историка, конечно, недостаточно, хотя бы и пришлось потом, естественно, все сведения проверять. Я предпринял шаги, и точник сведений мне сегодня по телефону сообщил, что в субботу он мне переприготовленный им материал. Скорее все сделать не мог, так как уезжал в Прагу, где с А.В.Исаиченко читали мы лекции и провели семинары; возвратился эски простуженный в четверг.

Прошу меня ввиду всего изложенного великодушно извинить и верить, что с полным пониманием и живейшим участием я отнесся к Вашей просьбе, радуясь случая быть Вам в какой-то мере полезным.

Шлю Вам и Вашей супруге мои искренние пожелания доброго здоровья и душевного покоя.

Ваш *М. Кошман*

12 XII

Глубокоуважаемый Кошман,
Проф. Каш. сообщил мне, что Вам доклад дал Пр. Кошман Кржа
20.10.59. Жду его с наибольшим интересом. Надеюсь, что
успелать в Прагу в понедельник 20.11. Надеюсь, что
этот доклад поддается. Письму одобряется секретарю Кржа
prof. Dr. R. Jenka (Karl. univ., Umetanova 55, P. I) с просьбой
дать заседание на 20.11.59, 19.11.59, кафе Zlatá Husa, Vídeň.
и прослать в Прагу, как только он поступит от нас
тот доклад. Если Вы еще хотите иметь еще
теперь приглашать, пот. Кашман и Кошманте с
этом. Кошманте ему немедленно, тогда и Кошманте с
содержанием разослать. Не откажите одобряется
решили и мне, дабы я и Кошманте и Кошманте с
разослать с Вас время так, тогда быть 20.11.59 в Пра
и Кошманте с Вас время так, тогда быть 20.11.59 в Пра
P. J. 10.11.59

Анто́ний Васи́льевич Флоро́вский (1 (13) декабря 1884[1], Елизаветград, Российская империя — 27 марта 1968, Прага, ЧССР) — историк, славист.

Ромáн Осипович Якобсо́н (англ. Roman Jakobson; 28 сентября (10 октября) 1896[1], Москва — 18 июля 1982, Кембридж (Массачусетс)[1], США) — российский и американский лингвист и литературовед, один из крупнейших лингвистов XX века. В 1926 стал одним из основателей Пражского лингвистического кружка, исполнял там должность вице-президента.

Но главным делом его жизни была филология, а если брать уже, лексикография. Начинал он преподавателем русского языка в гимназии, затем работал в Высшем коммерческом училище (Торговый институт, *Vysoká škola obchodní*). Работа «К изучению языка и стиля русской сказки», вышедшая в 1927 году, стала его первой крупной научной публикацией. На рубеже 20–30-ых годов он уделяет большое внимание изучению русского литературного языка и его стилистических особенностей в различных социальных, профессиональных и иных группах, о чём свидетельствуют работы 1927 года «К изучению языка и стиля русской сказки»; 1928 года – «Экономическая хрестоматия», рецензия на работу А. М. Селищева «Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926)»; 1929 года – «Из жизни языка социальных групп. (О языке тшебовских гимназистов)».

После выхода в 1930 году работы «Абстракты от адъективов в русском языке» (*Abstrakta od adjektiv v ruštině*), затрагивающей как историческое развитие исследуемых явлений, так и проявление их в современном литературном языке и диалектах он стал доцентом Высшего коммерческого училища, а с 1930 года — профессором.

В тридцатые годы Копецкий становится видной фигурой среди чешских славистов, им было написано несколько известных учебных пособий. Копецкий настаивал на том, что для чехов нужны специализированные учебники русского языка, которые используют близкородственные отношения между двумя языками, и он всю жизнь создавал такие учебники, начиная с «Русского синтаксиса для чехов» (*Ruská skladba pro Čechy*), где он успешно излагает основы русской грамматики в сопоставительном плане, касается, что характерно для всех его работ, вопросов практического использования тех или иных конструкций в речи, кроме того затрагивает проблемы синтаксиса разговорного языка. (NB: Stehlik etc.!)

На основе сопоставительного анализа систем русского и чешского языков был создан учебник «Русский язык для чехов» – *Ruština pro Čechy* (1934). О Практической грамматике русского языка – *Příruční ruská mluvnice*, вышедшей в 1941 году, чешские филологи высказываются как о «контрастивной грамматике» (*kontrastivní mluvnice*) (см. *Československá slavistika* 1977, с. 144), грамматике нового типа, распространившегося после 1945 года. Грамматика Л. В. Копецкого стала первой грамматикой такого типа и после 1945 года стала широко использоваться в Чехословакии.

Считая, что невозможно в достаточной мере изучить язык страны, не зная её истории и культуры, Л. В. Копецкий в 1930 году издаёт книгу «Современная Россия» (в издании 1938 года – «О Советском Союзе»), в которой можно было найти необходимую информацию о прошлом и настоящем России, познакомиться с реалиями страны. В книге уделяется внимание вопросам экономики (представлены экономические области СССР), важнейшим моментам истории и культуры, приводятся примеры из художественной прозы, дана географическая карта СССР.

Ученый неустанно следил за изменениями языка и жизни в родной стране. Его

первые крупные лексикографические работы относятся ко второй половине 30-х годов. К этому времени существовал только один достойный внимания словарь, появившийся в 1920 году: «Русско-чешский словарь» В. Шкорпила (V. Škorpil) и Й. Гавелки (J. Havelka). В 1933 году в «Учебнике русского языка для торговых академий (Часть 2)» в приложении был помещён небольшой русско-чешский словарь.

В 1937 году (другой источник указывает 1935 г.) вышли первым изданием «Школьный русско-чешский словарь» и просто «Русско-чешский словарь», составленные Л. В. Копецким (в работе над ними приняли также участие Н. В. Кузьминский и Станислав Петера). Как писал Копецкий в предисловии к словарю, русский язык за 20 лет претерпел огромные изменения, сильно обесценившие прежние словари — это он видел как по официальной «Правде», так по литературе, появившейся к 100-летию смерти А. С. Пушкина.

Вторая мировая война временно приостановила научную работу Леонтия Васильевича. Во время оккупации Праги гитлеровцами его и других преподавателей коммерческого техникума отправили на принудительные работы. В трудных условиях Леонтий Копецкий не прекращал научной деятельности. Сразу после победы, в 1945 году вышло второе издание его словаря. Далее Л. В. Копецкий выпускает переработанный «Школьный русско-чешский словарь» (1955), руководит коллективом «Чешско-русского словаря» (1958).

После войны, когда были вновь открыты чешские вузы, Л. В. Копецкий возглавил кафедру русского языка на педагогическом факультете Карлова университета, став ординарным профессором этого вуза. В это же время Копецкий стал советником МИД Чехословакии, а также добавил к своим занятиям профессорские обязанности в Пражском политехническом институте (ČVUT).

Вершинами деятельности Копецкого можно считать редактирование и издание «Большого русско-чешского словаря» в шести томах (БРЧС), вышедшего с 1952 по 1964 год в Праге. (БРЧС). Необходимость создания крупного русско-чешского словаря чехословацкими учёными ощущалась задолго до начала работы над БРЧС. Ещё в 1937 году в журнале «Слово и словесность» (Slovo a slovesnost 1937, 2) чешские учёные пишут о статусе русского языка в мире, о его важной роли для науки и техники, провозглашают необходимость обучения русскому языку в средних специальных учебных заведениях (училищах), поскольку «русский язык в современном мире является конкурентом английского».

В конце 1946 года (Kohout 1965, 612–614) на Философском факультете Карлова университета в Праге возникло «Бюро словарей русского языка» (Kancelář ruských slovníků), где прежде всего производилось накопление материала, детально разрабатывалась концепция словаря, подбирались кадры будущих сотрудников. С помощью студентов русского отделения был заложен так называемый «большой архив лексики русского языка» (velký lexikální archiv ruštiny), представлявший собой обширную картотеку выписок русских слов и устойчивых сочетаний с контекстами. Выборке подверглась художественная, политическая, специальная литература, газеты и журналы, вышедшие после 1945 года. Были использованы толковые, русско-чешские, русско-иноязычные, специальные словари и энциклопедии. Основным лексикографическим источником русского языка стал «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (1928–1940, издавался в 1934–1940 гг.). Материал, вошедший в дальнейшем в шесть томов, представлял собой около 600 тысяч выборок (карточек).

Л.В. Копецкий на всем протяжении работы был редактором и руководителем проекта, человеком, всеми своими силами способствовавшим появлению на свет этого словаря.

После относительно короткого подготовительного этапа в 1948 году начинается разработка словарных статей будущего первого тома. В это же время «Бюро словарей русского языка» становится подразделением Славянского института (Slovanský ústav) Чешской академии наук и искусств (Česká akademie věd a umění). Во второй половине 1949 года к работе подключились академик Б. Гавранек и профессор К. Горалек. В 1952 году был издан первый том (буквы А - Й), в 1953 – второй (К - О), в 1956 – третий (П), в 1959 – четвёртый (Р - С), в 1962 году – пятый (буквы Т - Я), в 1964 году вышел последний (шестой) том, содержащий 28155 слов новых (появившихся в языке за время составления и выхода словаря) или каким-либо образом не попавших в поле зрения составителей БРЧС.

Словарь является уникальным по объёму охваченной лексики. Положительные отзывы о словаре как о значительном явлении двуязычной лексикографии появляются уже после выхода первых его томов. *«Это весьма серьёзное лексикографическое предприятие обещает быть значительным фактом в практике составления двуязычных словарей»* – первый отзыв отечественного лингвиста А. М. Бабкина (Бабкин 1955, 91). Французский филолог Гранжар замечает, что интерес к БРЧС велик и распространяется на всех славистов в той или иной мере имеющих отношение к русскому и чешскому языкам, он сожалеет, что французская славистика не имеет словаря такого рода (Granjard 1959, 172).

Чешский лингвист Паролек даёт следующую оценку: *«Словарь имеет хороший теоретический и практический уровень. Разработка словарных статей предоставляет материал для понимания тесных связей между лексикой, морфологией и синтаксисом. Также подробно здесь рассматривается русская фразеология и стилистика. Таким образом здесь подготовлена почва для появления словаря нового типа, словаря, в котором каждая словарная статья являлась бы маленькой монографией о слове»* (Parolek 1966, 316–317). Действительно, проявляя большой интерес к лексикологии, Л. В. Копецкий старается как можно детальнее представлять слово в словаре, то же самое относится и к фразеологии, новому в то время разделу словарной статьи. Йозеф Коут пишет: *«В конце словарной статьи после «ромба» приводится фразеология (устойчивые сочетания, пословицы, поговорки), сложные термины и словосочетания»* (Kout 1965/66, 91–93), то есть фразеология в БРЧС представлена в широком смысле, что имеет переключку с современными воззрениями на неё.

Профессор Леонтий Васильевич Копецкий (слева).
Фото из архива А. Копришиевой

К достижениям Следует отнести ... двухтомные чешско-русский и русско-чешский словари, вышедшие в Москве и Праге с 1976 по 1978 годы. Словари отвечают требованиям к идеальному словарю, сформулированным самим Леонтием Копецким — он дает всю необходимую информацию для перевода. Эти словари стали популярными во всем мире и даже сейчас продолжают переиздаваться с небольшими дополнениями

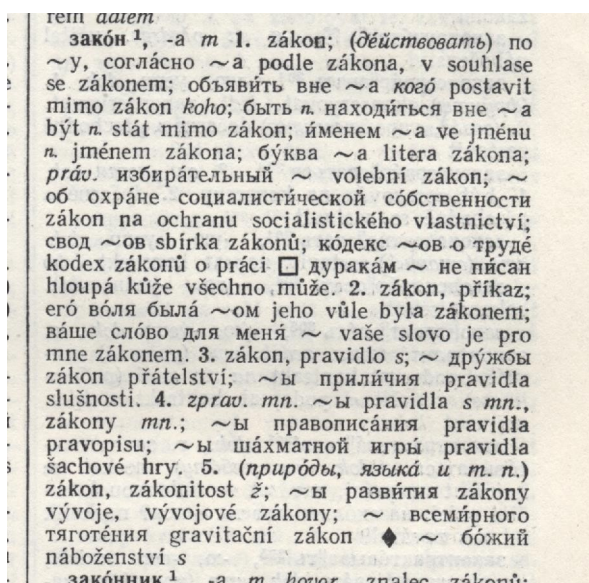
Чешский лингвист Б. Йилек так описал характерный научный стиль русского лексиколога: «Основной чертой всей деятельности Л. В. Копецкого была научная трезвость и упор на факты. Общие, не основывающиеся на конкретном материале рассуждения были для него неприемлемыми».

Эти черты Л. В. Копецкого воочию проглядывают в его словарях. Они действительно дают всю необходимую информацию для перевода. Как лингвист, имеющий богатый опыт знакомства со словарями и

лексикографами, могу отметить две главные особенности словарей: богатейшая синтагматика, включая идеоматику, и исчерпывающая грамматика.

Вот пример рядовой словарной статьи:

Закон:

По числу речений соизмерим с толковыми словарями РЯ (17 Коп.– 27 Ушаков -11 Ожегов).

Коллокации:

Зуб:

Копецкий: 7+7

Ожегов: 9+4

Дело:

Копецкий: 32+4

Ожегов: 14+...

Для перевода устойчивых сочетаний типа поговорок обычно подбирается соответствующее выражение или поговорка из другого языка.

Иногда они похожи:

Делать из мухи слона - dělat z komára velblouda

Иногда совпадают:

Нашла коса на камень - přišla (trefila, padla) kosa na kámen

Но часто без словаря мы соответствующую поговорку не найдем или не вспомним, например:

Дуракам закон не писан – hloupa kůže všechno může

Быть не удел - nebýt u vesla

Моё дело сторона - já nic, já muzikant

Делать погоду – udávat tón

На безрыбье и рак рыба - z pouze Franta dobrý

Грамматическая информация.

Это, можно сказать, формальная модель русской морфологии, придуманная одновременно с Зализняком. Сколько мы знаем типов склонения или спряжения? Три? И сколько их в реальности? У Зализняка они представлены в виде иерархического дерева, и там есть пролема подсчитать все «живые» парадигмы, в словарях же Копецкого – в виде исчерпывающего перечня табличных парадигм(см. рис.), и таких парадигм там .262 для существительных и 197 для глаголов!

*/Slovesa s kmenem přítomným bez přípony,
kmen minulý má příponu -a-/*

Тур крича́ть (закрича́ть)

469

крича́ть		
крич//у́ -ím -ишь -íte -ит -át	кричи́, -те	крича́ крича́щ//ий, -ая, -ее; -ие
крича́л, -а, -о; -и	(закрича́в)	
	крича́вш//ий, -ая, -ее; -ие	

Poznámka:

Zvratné раскрича́ться má přech. minulý раскрича́вшись.

Тур лежа́ть (пролежа́ть)

470

лежа́ть		
леж//у́ -ím -ишь -íte -ит -át	лежи́, -те	лежа́ лежа́щ//ий, -ая, -ее; -ие
лежа́л, -а, -о; -и	(пролежан, -а, -о; -ы)	(пролежав)
	(пролежанн//ый, -ая, -ое, -ые)	лежа́вш//ий, -ая, -ее; -ие

Poznámka:

Zvratný тур слежа́ться má přech. minulý слежа́вшись.

Тур слы́шать (услы́шать)

471

слы́шать		
слыш//у -им -ишь -ите -ит -ат	(слу́шай, -те)	слы́ша слы́шащ//ий, -ая, -ее; -ие
слы́шал, -а, -о; -и	(услы́шан, -а, -о; -ы)	(услы́шав)
	(услы́шанн//ый, -ая, -ое, -ые)	слы́шавш//ий, -ая, -ее; -ие

Вклад Л.В. Копецкого ещё не оценен в полной мере, хотя о его деятельности напоминает большое количество учебников, словарей и других работ, изданных им. «Большой русско-чешский словарь» был также несколько отодвинут вне внимания современной чешской лексикографии, хотя методика его создания могла бы с успехом использоваться и при создании современных словарей в будущем.

...Сегодня в Праге живет уже пятое поколение Копецких. Первым были братья Платон и Леонтий. Последний представитель второго поколения, Леонтий Платонович Копецкий, в свои 83 года работает врачом-ларингологом в одной из пражских поликлиник. Его дочь Марьяна Леонтьевна имеет двоих дочерей, а сын Александр Леонтьевич, кроме троих детей — уже и двоих маленьких внуков. Все они — потомки протоиерея Василия Яковлевича Копецкого. Господь услышал молитвы старого священника...

Использованы материалы статьи Артема Левченко «Отцовская молитва» («Вечерний Харьков», № 8, 24 января 2007 г. и № 10, 30 января 2007 г.) (Артем Левченко благодарит Леонтия Платоновича и Александра Леонтьевича Копецких за помощь в подготовке статьи) и статьи Андрея Артемова (Техническо-экономический институт в г. Чешские Будейовице) «Роль Леонтия Васильевича Копецкого в развитии русско-чешской лексикографии».

**Список захоронений на православном участке Ольшанского
кладбища**

Имя / комментарии	Год рожд.	Место рожд.	Год сме- рти	Место захоро- нения
Копецкая-Зеленкова Ирина Платоновна , переводчица, кремирована	1927	Прага	1997	
Копецкая Лидия Леонтьевна , научный работник ЧАН, кремирована	1930	Прага	2000	2гор- 18-4
Копецкий Леонтий Васильевич , проф., д-р филолог.наук, преподаватель сред.учеб.зав., Высшего коммерческого института в Праге, научные труды в области русской лексикологии, лексикографии и по синтаксису, корниловец - адъютант генерала Н.В.Скоблина	1894	Новоминск Варшавской губ.	1976	2гор- 18-4
Копецкий Платон Васильевич , филолог, преподаватель русских гимназий в Моравской Тршебове и в Праге, корниловец	1892		1982	2гор- 22-25

Литература

- БАБКИН, А. М., 1955. Лексикографические заметки. Вопросы языкознания. (2), 90–97.
- KUDĚLKA M., Z. ŠIMEČEK, V. ŠŤASTNÝ aj., 1977. Československá slavistika v letech 1918–1939. Praha: ACADEMIA.
- GRANJARD, H., 1959. Bulletin de la Société de linguistique de Paris, fasc. 2.
- KOHOUT, J., 1965. Velký rusko-český slovník.. In: Věstník ČSAV. 74(4).
- KOUT, J., 1965/66. Nejvýznamnější dvojjazyčný slovanský slovník. In: Ruský jazyk. Praha. 16(2).
- PAROLEK, R., 1966. „Velký rusko-český slovník“ a co dál. Impuls. 1(4).
- Vyučování ruštině do středních škol, 1937. In: Slovo a slovesnost. Praha: Melantrich, III(2).
- ŽOFROVÁ, H., 1998. K odkazu L. V. Kopeckého. In: Slavica Pragensia ad tempora nostra. Konference ke 150. výročí založení stolice slovanské filologie na Karlově univerzitě. Praha: UK. ISBN 80-85494-42-6.